

# ХРОМОЙ КУЗНЕЦ

Мария  
СЕМЁНОВА



# Мария Васильевна Семенова

## Девять миров

*Текст предоставлен издательством «Азбука»  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=178149](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178149)  
Хромой кузнец: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2006  
ISBN 5-91181-104-9*

### Аннотация

Мария Семенова – автор знаменитого романа «Волкодав», основоположник жанра «русское фэнтези» – всегда пишет о сильных людях. В морском абордажном бою и на стенах пылающего города, в снежных горах и черной непроходимой чаще, в темнице и небесном чертоге ее герои до конца стоят за правду, идут на смерть, защищая друзей, и побеждают зло силой добра.

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Два брата и скрывший лицо         | 4  |
| Рождение Вселенной                | 7  |
| Девять миров                      | 9  |
| Чудесное дерево                   | 11 |
| Цена мудрости                     | 13 |
| Самая первая война                | 15 |
| Мёд поэзии                        | 16 |
| Путешествие Рига                  | 19 |
| Вальхалла                         | 22 |
| Валькирия и викинг                | 24 |
| Богиня любви                      | 26 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 27 |

# Мария Семенова

## Девять миров (скандинавские мифы)

*...Пусть вникают в эту книгу, дабы набраться мудрости и позабавиться. Нельзя забывать этих сказаний или называть их ложью.  
Снорри Стурлусон. «Язык поэзии»*

### Два брата и скрывший лицо

1

Осеннее море с грохотом сотрясало гранитные скалы. Ветер подхватывал брызги и нёс в глубь страны, над ущельями фиордов, над каменными перевалами, мимо снеговых шапок вершин. И даже орлы, гнездившиеся на неприступных утёсах, с трудом могли разглядеть далеко в море маленькую рыбацкую лодку.

Шторм давно сломал мачту, сорвал парус и утащил куда-то в низкие тучи. Двое мореходов сперва пытались грести, но тяжёлые волны выхватывали вёсла из рук, да и силы кончились быстро – ведь старшему из гребцов едва минуло десять зим, а младшему и того менее – восемь. Это были Агнар и Гейррёд, сыновья Храудунга, одного из самых знаменитых вождей Северных Стран. Буря уносила их лодку от родного берега прочь. Братья едва успевали вычерпывать холодную воду, хлеставшую через борта.

– Держись, Гейррёд! – крикнул старший брат младшему. – Мы же викинги! Дымные очаги и тёплые постели – это не для мужчин!

Агнар был доброго и весёлого нрава: все ждали, что он сделается хорошим вождём, справедливым и щедрым. Отцовские воины охотно пойдут за ним, когда он подрастёт.

Гейррёд отвечал:

– Пусть другие плачут или просят пощады.

Судьба младшего сына – всё в жизни добывать самому, и богатство, и славу, и преданную дружину. Что ж, Гейррёд обещал стать замечательным воином. Кровавое Копьё – вот что значило его имя.

Двое промокших мальчишек упрямо сражались с волнами, чувствуя, как понемногу стынет кровь в жилах, как ледяной ветер высасывает последние силы... Они были сыновьями вождя. Они хотели стать викингами. Они не привыкли сдаваться.

Наконец, уже в ночной тьме, впереди заревел прибой, ощерились белые буруны. Братья отчаянно вцепились в обледеленные борта, предчувствуя гибель. Но вот диво: откуда-то из темноты вдруг громко закаркали два ворона, и вздыбившаяся волна подхватила лодку, пронесла над оскаленными клыками камней и вышвырнула на незнакомую сушу. Обоим показалось, что это была не простая волна. Поспешно высочили сыновья Храудунга на скрипучий песок и – новое диво – тотчас встретили старика.

Был у него синий плащ, гулко хлопавший на стылом ветру, и широкополая шляпа, низко надвинутая на единственный глаз. Он привёл неудачливых рыбаков к себе в дом и велел старухе раздуть пожарче огонь, чтобы обсушить и согреть нежданных гостей. А поскольку осенние шторма длятся подолгу, до самого снега, делать нечего – остались они в том доме зимовать.

Многому научили братьев старик со старухой. И так вышло, что Агнар привязался больше к хозяйке, а Гейррёд – к хозяину. Когда же наступила весна, старик дал детям вождя

---

<sup>1</sup> Текст публикуется с сохранением авторской пунктуации.

хорошую новую лодку, и, как по волшебству, немедля задул попутный ветер. Стали прощаться. Старик отозвал Гейррёда в сторону:

– Ты понравился мне. Знай же, что ты был гостем Одина, Отца Богов и Людей. Знай ещё: я помогу тебе стать знаменитым вождём, таким же, как твой отец.

Быстро принёс ветер лодку к родному берегу. Вот показались впереди горы, замаячили в морском тумане знакомые утёсы возле устья фиорда. Гейррёд первым выскочил на отцовскую пристань, на просмоленные дубовые брёвна... и вдруг оттолкнул лодку с братом прочь, крикнув:

– Плыви теперь туда, откуда не возвращаются!

Вот так понял он милость Одина и обещание сделать его вождём. Агнара унесло течением обратно в море, потому что в лодке не было вёсел, и никто не заметил его в тумане и не явился на помощь. А вероломный брат как ни в чём не бывало зашагал ко двору Храудунга.

Люди узнали Гейррёда и приняли его с радостью. Оказывается, его отец умер зимой, и вот Гейррёда посадили на почётное место в доме и назвали вождём.

– Он сын хорошего отца, – промолвили старые, покрытые шрамами воины и по обычаю ударили мечами в щиты. – Старший брат не вернулся, но и в младшем добрая кровь!

Возмужал Гейррёд и сделался прославленным викинг: говорят, была ему удача во всём. Но, зная, грызла всё-таки его совесть – женившись, назвал сына Агнар, по брату. Так прошло много зим...

И вот однажды воины привели к Гейррёду незнакомца, схваченного у ограды двора.

– Колдун забрёл в твои земли, вождь, – сказали они. – Ни один пёс на него не лает, даже самый свирепый!

У гостя была длинная седая борода, синий плащ на плечах и широкополая войлочная шляпа, низко надвинутая на единственный глаз. Не узнал Гейррёд своего воспитателя, слишком много времени миновало.

– Свяжите-ка ему руки, чтобы не мог колдовать, – приказал он воинам и обратился к седобородому: – А ну отвечай, кто ты таков? И кто тебя подослал?

У Гейррёда было немало врагов, а в те времена враждующие вожди часто подсылали один к другому злых колдунов – навести порчу, отнять удачу, погубить урожай.

– У меня много имён, – отвечал незнакомец. – Иногда меня называют Гримниром – Скрывшим Лицо...

Голос его показался Гейррёду смутно знакомым. Но пленник замолк и ничего больше не захотел говорить.

– Посадите его на пол меж двух очагов, – велел тогда Гейррёд. – И пусть там сидит, пока не изжарится или не станет разговорчивее!

Так и было сделано с Гримниром: восемь ночей сидел он между огнями. Одежда на нём прогорела до дыр и волосы скрутило жаром, а нутро ссохлось от жажды. Иные не верят, что Отец Богов мог быть схвачен смертными и не сумел уйти из пут с помощью волшебных заклятий; должно быть, ни разу не пробовали эти Люди творить заклинания со связанными руками, да ещё когда нет вблизи ни капли воды...

А Гейррёд смотрел на его муки, потягивая вкусное пиво.

Но на девятый вечер вернулся сын вождя Агнар, ходивший с воинами в море. Было ему тогда десять зим, почти столько же, сколько его отцу когда-то, когда пришла для него пора испытания. Увидел Агнар связанного, измученного старика, услышал, что произошло в доме, – и тотчас подбежал к Гримниру с полным рогом питья:

– Плохо поступает отец, пытая безвинного человека!

И затоптал огонь, подобравшийся к гостю так близко, что уже тлел его плащ. Вот когда только разомкнул уста Гримнир и стал говорить, и никто не мог двинуться с места, пока звучал голос Одина, Отца Богов и Людей. Он сказал:

– Счастлив ты будешь, Агнар, племянник Агнара и сын Гейррёда, потому что Бог Воинов желает тебе добра. Скоро ты станешь вождём и повелителем могучей дружины. Никто ещё не получал за глоток воды подобной награды...

И долго ещё говорил Отец Богов, потому что вернулась к нему божественная сила, и огонь не смел больше приблизиться. Поведал он Агнару об Асгарде – славной небесной стране, о чертогах Богов и о блещущей золотом Вальхалле, обители героев, не осквернённых пороком. Рассказал о валькириях, о Мировом Древе и о волке по кличке Обман, бегущем за Солнцем. Открыл сыну конунга прошлое девяти древних миров и будущее Богов и Людей. И наконец вновь повернулся к конунгу и назвал своё имя:

– Не в меру ты, Гейррёд, пьёшь на пирах, помутился твой разум. Много у меня имён, но Одином зовут меня Люди.

Тогда только упала с глаз Гейррёда мутная пелена, понял он, кого предал на муку. В ужасе вскочил вождь с хозяйского места, думая оградить Одина от огня... но соскользнул наземь меч, что он держал на коленях, упал вниз рукоятью – споткнулся хмельной Гейррёд и рухнул грудью на острий. Один же произнёс ещё одно заклинание и исчез, а Агнара вскоре избрали вождём, и говорят, что он правил долго и славно – ибо наградил его Всеотец не только удачей и властью, как Гейррёда, но и высшей мудростью, заповедными знаниями обо всех девяти мирах. Говорят также, что у Агнара были дочери и сыновья, и он многое им рассказал, чтобы сохранить драгоценную мудрость. Ибо память живёт дольше смертных Людей, дольше стального оружия, дольше золота и серебра, зарытого в Землю...

## Рождение Вселенной

Что было в самом начале времён, не знают ни Люди, ни Боги. Тогда ведь ещё не родился никто, способный запомнить. Быть может, дети Муспелля могли бы поведать кое о чём, ведь их мир, как говорят, появился раньше других – но не много найдётся охотников беседовать со свирепыми Сынами Огня. В их стране всё горит, всё охвачено пламенем. Нет туда доступа никому, кто там не рождён и не ведёт оттуда свой род. Да ещё сидит на краю Муспелля Великан Сурт, дочерна обуглившийся от жара, и огненным мечом грозит всякому, кто пожелает войти... Злая страна!

Сказывают, в начале времён не было ночи и дня, Солнца, звёзд и Луны; не было холодного моря и заснеженных гор, зелёных лугов и прозрачных рек, звенящих по перекатам. Одна только Мировая Бездна Гинунгагап. И если на крайнем юге её негасимо горело страшное пламя, то на севере, на самом дне, царил мрак и вечный мороз. Эта страна называлась Нифльхейм – Тёмный Мир. Только один источник не поддавался морозу – родник Кипящий Котёл. Но мало доброго может родиться во тьме, и вода источника была ядовитой. Злые реки текли из Кипящего Котла по всей Бездне: Свёл – Холодная, Сюльг – Глотающая, Ульг – Волчица и ещё другие, не лучше. Когда они отделились от родника, широко разлились и начали замерзать, яд выступил наружу росой и его прихватило морозом. Сделался иней и стал слой за слоем заполнять бездну Гинунгагап.

Так летели века: снизу, из Нифльхейма, шёл холод и угрожала свирепая непогода, но чем ближе к Муспелльсхейму, тем больше делалось тепла и света. Иней встречался с теплом, таял и стекал каплями вниз. И наконец эти капли ожили, и возникло самое первое существо – Великан Имир. Он ворочался в Мировой Бездне, не зная, куда себя деть, не ведая, зачем живёт. У него не было жены, сын с дочерью возникли из капель его пота, когда он вспотел однажды во сне. От них пошло исполинское племя – Хримтурсы, инеистые Великаны. Первые Великаны родились злыми и глупыми: это оттого, что капли талой воды, давшие жизнь роду Имира, были напоены ядом. Говорят, до сих пор есть у них потомки на свете. Иногда поэты зовут их «хладнорёбрыми» – это оттого, что нет в них настоящей живой жизни, есть только желание рушить и убивать... Но есть и такие, кому в кровь попало меньше яда, или яд рассеялся с течением поколений, а может, иным Великанам попросту надоела злоба и глупость – некоторые стали добрыми и гостеприимными, и с ними дружат Боги и Люди.

Когда появился Имир, с ним вместе возникла корова Аудумла; и, верно, неплохо доилась эта корова, если достало её молока на прокорм Великану. Аудумле негде было пастись. Она лизала солёные камни и к исходу третьего дня вылизала из них новое существо, тоже во всём подобное человеку, хоть и не такое большое, как Имир. И вовсе не злобное.

От него пошло славное племя Асов, вот почему его называют Бури, то есть Родитель. Говорят, он был хорош собою, высок и могуч. Он назвал своего сына Бор – Рождённый. Бор взял в жёны дочь доброго Великана, и родились у них дети – Один, Вили и Ве. Минуло время, и эти трое совершили такие славные подвиги, что их назвали Богами и стали им поклоняться. Говорят, младший, Ве, был самым первым жрецом, а старший, Один, подарил Людям божественное вдохновение, поэзию и бешенство битвы. Но об этом потом.

Немало пришлось потрудиться сынам Бора, братьям-Богам: сразились они против злобного Имира, и говорят, будто множество Великанов утонуло в его крови, когда он наконец пал. Братья кинули тело Имира в самую глубину Мировой Бездны и сделали из неё Землю, а из крови – озёра, реки, моря. Кости Имира стали горами, из осколков костей и зубов вышли скалы и валуны – не даром они до сих пор торчат из воды, норовя пропороть днище доверчивому кораблю... Из черепа Имира Боги построили небосвод, а мозг бросили в воздух и сделали облака – вот почему так коварны тёмные тучи, грозящие то метелью, то

градом. Потом Боги взяли сверкающие искры, что летали кругом, вырвавшись из пламени Муспелля, и прикрепили их к Небу. Так получились неподвижные звёзды. Другим искрам Боги позволили летать в поднебесье, но каждой назначили место и уготовили путь.

Между тем в мёртвом теле Имира завелись черви; Боги наделили их разумом и дали обличье, схожее с человеческим, и от них пошёл род Карликов – Двергов. Они до сих пор живут под землёй и внутри скал и боятся солнечного света, потому что он превращает их в камни. Карлики невелики ростом, но очень сильны. Так сильны, что четверым из них Боги доверили поддерживать Небо там, где оно всего ближе к Земле. Эти Карлики стоят по четырём углам света, их так и зовут: Аустри, Нордри, Вестри и Судри – Восточный, Северный, Западный, Южный.

Земля получилась округлая, а кругом неё глубокий Океан. Что там за ним? Древняя бездна Гинунгагап, куда обрываются море и суша и где по-прежнему нет жизни и света, лишь звёздные искры Муспелля да вековой холод Тёмного Мира? Или, может быть, там другие Вселенные, устроенные другими Богами? И кажется Людям, что беспределен тот Океан и нельзя его переплыть...



## Девять миров

Славную работу исполнили Боги: из волос Имира возникли деревья и травы, и зазеленела Земля, начали заселять её звери и птицы, в воде завелись рыбы, по сырым местам – змеи да ящерицы. И вот однажды шли сыновья Бора – Один, Вили и Ве – берегом моря и увидели два дерева: могучий ясень и рядом гибкую иву.

– Слышите, братья, как шумят они на ветру? – сказал задумчиво Один. – По-моему, этим двоим скучно стоять здесь среди камней. Вот бы им ещё румянец жизни, дыхание да судьбу!

– Если бы они могли ходить и разговаривать, как мы, – сказал Вили. – Поглядеть бы, что из этого выйдет!

– Мы станем сильнее, если нам начнут поклоняться, – сказал Ве, первый жрец.

Поразмыслили Боги, а потом взяли деревья и вырезали из них Людей. Один, старший из братьев, дал им душу и жизнь, Вили – разум и движение, а Ве наделил пригожим обликом, речью, слухом и зрением. И дали мужчине имя Аск, то есть Ясень, а женщине имя Эмбла, что значило Ива. Вместе с именами Боги подарили Людям одежду – вот откуда пошёл обычай дарить что-нибудь, нарекая имя или прозвание.

Тогда, говорят, юные Боги взяли веки Имира и огородили ими середину Земли, потому что по берегу Океана и в неприступных горах позволено было жить Великанам, и следовало Людей от них защитить. Так был огорожен Срединный Мир, Мир Людей, и оттого зовётся он Мидгард – «то, что огорожено». А Великанов называли Турсами, Хримтурсами или Иотунами, и поэтому их мир зовётся Иотунхейм, а иногда ещё Утгард – «то, что за оградой». Там чужая, враждебная Людям земля, никогда не знавшая семени и сохи. Там бродят людоеды-Тролли и страшные, покрытые инеем Великаны – кто в шкуре волка, кто в чешуе змея, кто в оперении орла...

Себе Боги отвели место на Небе и назвали свой мир Асгард – Крепость Асов, потому что Асами звалось племя первых Богов. Другие Боги, племена Ванов, стали жить в мире Ванахейм. Карлики-Дверги, обитатели подземелий, взяли себе Нифльхейм – им с их огнедышащими кузнечными горнами никакой мороз нипочём. Карлики неплохо обжились в Мглистом Краю, начали рыть подземные ходы в Мидгард и появляются, говорят, порою даже в Асгарде.

Когда родились существа, прозванные светлыми и тёмными Альвами, те и другие тоже получили свои миры. А когда в жизнь вошло зло и начали умирать Люди и Боги – появился Мир Мёртвых, угрюмый мир Хель... Но об этом потом, а вначале все жили в покое и тишине, и Асы веселились на зелёном лугу, играя золотыми фигурками на доске. Говорят, все вещи и утварь в ту пору у них были из золота, и оттого этот век иногда зовут Золотым.

В те времена Солнце, слепленное Асами из искр Муспелля, стояло неподвижно на Небе, и с ним стояла Луна. Но потом родилась дочь у одного Великана – сумрачная и темно-волосая, и он назвал её Ночь. А вот её сын удался весёлым и светлолицым, потому что муж Ночи был из Богов. Один дал матери и сыну двух коней и две колесницы и послал в Небо, чтобы каждые сутки объезжали они всю Землю.

До сих пор несётся по Небу Ночь и правит конём по кличке Инеистая Грива, и каждое утро орошает Землю пена, стекающая с его удил... А конь Дня зовётся Ясная Грива, и грива его озаряет Землю и воздух. Люди же нарекли времена суток именами матери и сына, и с тех пор ведётся обычай считать время в ночах, ведь Ночь старше Дня, она ему мать.

А ещё у одного человека было двое детей, прекрасных и светлых лицами, и он звал дочь Солнцем, а сына Месяцем. Они тоже были взяты Богами на Небо, и девушка правит конями, впряжёнными в солнечную колесницу. Коней зовут Арвак и Альсвинн – Ранний

и Быстрый, и под дугами у них висят кузнечные мехи, которые раздувают Солнце и дают прохладу коням. А братец Месяц везёт на колеснице Луну, и говорят, что ему послушны все звёзды.

И всё было бы хорошо, но родились в Железном Лесу, в Иотунхейме, два чудовищных волка – Обман и Ненавистник, и погнались за светлыми колесницами, надеясь проглотить Солнце и Месяц. Век за веком длится погоня и кончится только тогда, когда всему миру придёт пора гибнуть в огне и вновь возрождаться... Но об этом потом.

## Чудесное дерево

Всё, что делается смертными, живущими на Земле, в начале времён уже было сделано кем-нибудь из Богов. Боги возвели самую первую стену, сшили самую первую одежду и вылепили самый первый горшок. Боги принесли самую первую жертву и составили самый первый закон. Вот почему так трудно обрести что-нибудь новое: сложить песню, построить корабль, открыть в море неизвестные острова. Потребны для этого великий ум и немалая смелость: как знать, добрый или злой дух послал открывателю вдохновение? И чего ждать от перемен – добра или худа?..

Оттого всякое новое дело, будь то сев или битва, лучше начать мудрому, знающему человеку. Оттого так держатся Люди старых заветов – сквозь поколения и поколения несут они знания и законы, подаренные Людям Богами на самой заре времён, когда не было вражды и раздора. Вот почему ругают старые молодых – не так, мол, живёте!

...Говорят, в древности Люди строили свои дома у подножий могучих деревьев, чтобы крепкие стволы служили опорой. Они хотели устроить свои жилища подобно Вселенной: ведь посередине её Боги вырастили дерево, чтобы оно пронизало собой все девять миров и связало их воедино. Это дерево – ясень, и говорят, что нет равных ему по мощи и красоте. Проросло оно из нижних миров, ствол поддерживает Мидгард Людей, а крона – выше Небес, и, если нужно кому путешествовать между мирами, нет лучшей дороги.

Три корня у дерева, и далеко расходятся эти корни. Один – у Асов на Небесах, другой – у инеистых Великанов, там, где прежде была бездна Гинунгагап. А третий корень тянется к Тёмному Миру Нифльхейм, и всё ещё бурлит под ним поток Кипящий Котёл. В ядовитом источнике поселился злобный дракон Нидхёгг, он грызёт корень ясеня, надеясь погубить Людей и Богов... Под тем корнем, что в Иотунхейме, тоже бьёт ключ, и всякий, кому доведётся испить из него, обретает знание и мудрость. Ведь род исполинов – древнейший. Но самый священный источник бурлит под тем корнем, что оказался на Небе. Такова, говорят, его священная сила, что всё попавшее в его воду становится белым, как плёнка, лежащая под скорлупою яйца. Вот почему всё белое называют прекрасным, вот почему светловолосые Люди красивее темноволосых.

А ещё живут в том источнике прекрасные белые птицы – два лебедя. От них пошёл весь лебединый род, ибо таково уж свойство Мирового Древа: хоть и зовут его ясенем, но расцветают на нём все цветы, какие только можно найти на Земле, зреют все плоды и все семена, а в ветвях живут все звери и птицы, там их дом, оттуда сходят они наземь, чтобы родиться. Листья ясеня служат им пищей – оленям, козам, коровам и даже волкам, ибо Асгард слишком священен, чтобы там могла быть пролита кровь.

Возле чудесного родника Боги судят свой суд. Говорят, там стоит прекрасный чертог, и из него навстречу Богам выходят три девы: Урд, Верданди и Скульд. Прошрое, Настоящее и Будущее – вот что значат их имена. Их называют Норнами, провидицами судьбы. Им ведомо всё, что произойдёт с Людьюми и с Богами. Рождается человек, и тотчас являются к нему Норны – судить судьбу. Урд, Верданди и Скульд – главные Норны, но есть ещё много других, добрых и злых. Неравные дают они Людьюм судьбы: у одних вся жизнь в довольстве и почёте, у других, сколько ни бейся, ни доли, ни воли, у одних жизнь длинная, у других – короткая. Людьюм кажется, всё дело в том, что за Норны стояли у колыбели: если они добры и из хорошего рода, наделят новорождённого хорошей судьбой. Если же человеку выпали на долю несчастья, так судили злые Норны. Бывает и так, что родители малыша забудут позвать какую-нибудь из Норн или обидят её на пиру, и в отместку она нагадает такое, что трудно поправить даже Богам.

Но достойно прожить доставшуюся жизнь, будь она счастливой или несчастной, – дело самого человека, тут никто ему не помощник.

Норны черпают из священного источника воду и поливают ясень, чтобы не засохли и не зачахли его ветви и гниль не завелась на стволе, чтобы крепко стояли девять миров...

## Цена мудрости

Один был избран вождём Асов, и стали его называть Отцом Богов и Людей, а то ещё Всеотцом, потому что он вместе с братьями создал самых первых Людей, а многие Боги приходились ему детьми либо младшими родственниками, и по обычаю называли своего старейшину отцом.

Много знаний передали Боги человеческому роду; но прежде, чем поучать, должны были они сами всему научиться, и не было такой науки, в которой Один не превзошёл бы всех остальных. Только братья, Вили и Ве, знали его молодым. Все остальные помнили Одина седобородым и одноглазым. И думали, что это усердие в науках и мудрость состарили его, а вовсе не годы.

А Одину всё казалось, что знания его не полны. Как учить Людей, не узнав страданий и боли? Как отнимать и дарить жизнь, не ведая, что значит смерть? Как, наконец, обрести небывалую, высшую мудрость, постичь тайны волшебных заклятий, научиться заглядывать в будущее, прошлое и во все девять миров? Не понадобится ли для этого умереть и снова родиться к иной жизни – в полном могуществе?

Вышел Один из Асгарда и отправился на северо-восток, в Утгард, в Страну Великанов. Туда, где под корнем Мирового Древа вечно клокочет дарующий мудрость источник. Хотел Один зачерпнуть из него и напиться, но не тут-то было. Стражи источника не подпустили Отца Богов к берегу и не дали попробовать ни капли, требуя платы. Долго спорил с ними Один, и наконец решено было, что он отдаст им свой глаз. Так и сделали. Умер глаз Одина, и тотчас обрёл вождь Асов духовное зрение, способность видеть не только живых, но и мёртвых: известно ведь, мёртвые и живые зрячи только в своих мирах, всех сразу видит лишь тот, кто наполовину ослеп, ибо есть у него глаз живой и глаз мёртвый. И, верно, не предположил бы Один своего прежнего зрения новому. Но думают Люди, не сладким ему показался дарующий мудрость напиток, поскольку пришлось вместе с мудростью вкусить жестокую боль. Так и посейчас бывает с Людьми.

Но начала заживать раненая глазница, и понял Один, что этого мало, что ещё не пришла к нему полная божественная сила. Долго он размышлял и решил наконец, что нужно пройти через смерть. Сделал петлю, укрепил её на Мировом Древе... А перед тем, как броситься вниз, попросил своё копьё нанести смертельный удар:

– Никогда ты не подводило меня. Не подведи и теперь.

Содрогнулось копьё, но послушаться не посмело – и девять дней, по числу миров, висел вождь Богов на суку, качавшемся под порывами небывалого ветра. Стягивала горло петля, кровь из раны сочилась каплями наземь. Вспыхивали, проносились видения, раскрывали тайну за тайной...

Так Один принес себя в жертву себе самому. С тех самых пор, говорят, завели Люди обычай, избирая вождя, надевать ему петлю на шею и прикасаться к телу копьём, посвящая Одину. И бывает, петля вдруг затягивается, а копьё пронзает нового вождя само по себе, если Всеотец надумал призвать его в свои пиршественные чертоги. И зовут Одина иногда – Богом Повешенных. Ведь он тоже висел без пищи и без воды, принимая смертные муки и оглядывая Землю и Небеса то живым взглядом, то мёртвым...

Восемь ночей длилось его Посвящение, тайное восхождение к высшему знанию, и лишь на девятое утро ждала Одина награда: заметил он под собой буквы-руны, начертанные на камнях. И тотчас оборвалась верёвка, и рухнул Один наземь, едва успев подхватить волшебные знаки.

Вот когда Мировое Древо получило своё имя – Иггдрасиль, то есть Конь Игга, ведь Игг – «Ужасный» – одно из многих имён, которыми называл себя Один. А виселицу иногда называют «конём»...

Воскресший Один без сил лежал на земле, сжимая руны в руках, и к нему подошёл мудрый Великан Бёльторн – отец его матери. Он напоил внука мёдом и спел ему девять песен мудрости, которых тот никогда прежде не слышал. Один научил Богов и Людей вырезать и окрашивать руны, и тот обретает немалую силу, кто выучится хотя бы рисовать их по порядку, одну за другой, все двадцать четыре. Но следует знать, что ошибка в начертании рун может принести страшный вред вместо пользы: великие знания требуют великой осторожности, и это следует помнить.

И так уж ведётся, что слово рождает слово, а от дела рождается дело – кто щедро раздаёт свою мудрость, никогда не оказывается в убытке. Сколько ни учил Один Богов и Людей, его знаний от этого лишь прибывало. Умел он помочь человеку, охваченному горем, вылечив его душу. Умел излечить раны тела и вернуть жизнь убитому. Мог затупить в бою вражеские мечи и свернуть с пути стрелы, оберегая друзей. Мог погасить пожар в доме и помирить воинов, поссорившихся друг с другом. Мог заставить чаще стучать девичье сердце и обратить в камень ведьм, несущих беду...

Научил он Людей называть Богов по именам и обращаться к ним за советом, молиться и приносить жертвы в святилищах. Научил знать меру во всём:

– Лучше совсем не молись, чем без конца молиться. Лучше не жертвуй совсем, чем жертвовать без числа.

Много знал Один, но не всё открывал, если думал, что тайные знания могут принести беду. И всё вспоминал о мёде, которым под ясенем Иггдрасиль напоил его дед. Никогда прежде он не пробовал подобного мёда: была в нём особая красота, порождавшая вдохновение, желание слагать прекрасные песни. И почувствовал Один – без этого мёда его мудрость так и останется несовершенной...

## Самая первая война

Между Асами и племенем Ванов случилась жестокая распря, как часто бывает меж разными народами – не только на Земле, но и на Небе. Теперь одни говорят, что войну начали Асы, другие, напротив, что Ваны подослали им женщину по имени Гульвейг – «Жадность к золоту». Она насылала безумие на Богов и Богинь. Трижды сражал её Один своим копьём и трижды сжигал тело убитой, ибо знал – немалое несчастье Жадность к золоту принесёт в мир, но всё без толку: возрождалась колдунья и снова творила чёрное зло. Говорят, тогда и пропала игральная золотая доска, пропали резные фигурки, которыми тешились Асы на солнечном лугу Идавёлль. Кончился Золотой Век...

Только богатые Ваны, владевшие земным плодородием, знали, как справиться с Гульвейг. А хотелось им войти в Асгард и жить там с Асами наравне. Долго советовались Асы, и наконец Один повёл войско на Ванов и, начиная битву, первый бросил копье, потому что первый удар должен нанести вождь.

Долго длилась война – самая первая на свете война. И поскольку это было давно, одни утверждают, что Асы были близки к поражению, а Ваны – к победе, другие – что Боги просто устали от бессмысленной битвы, в которой никто не мог умереть, ибо Норны судили им смерть ещё через много веков. Решено было заключить мир. И его заключили. Но всё сделанное Богами потом повторяется у Людей – доброе и дурное; так и война, однажды случившись, до сих пор гуляет в земных пределах. Вот почему Люди враждуют и дерутся друг с другом вместо того, чтобы мирно жить, охраняя прекрасный зелёный Мидгард, у которого и так немало врагов...

Заключая мир, Асы и Ваны обменялись заложниками. Ваны послали в Асгард Ньёрда, повелителя моря и кораблей: выстроив себе дом, он назвал его Ноатун – Корабельный двор. И, должно быть, не врут, говоря, будто в Ноатуне лежит немало богатств. Попадает туда всё добро с кораблей, потонувших в морской глубине. В Ноатуне родились у Ньёрда дети – Фрейр и Фрейя. Их имена значат «господин» и «госпожа», и немудрено, что так их прозвали. Фрейр ведаёт урожаем, приплодом скота, и ещё говорят, что ему нехудо молиться, когда бездетные мечтают о детях. А почему Фрейю зовут Госпожой, думается, и объяснять ни к чему: ведь она – Богиня любви.

Асы отправили в заложники к Ванам мудреца Мимира и ещё Хёнира – красивого, высокого ростом Аса. Из него, сказали они, неплохой получится вождь. Но когда эти двое прибыли к Ванам, вскорости оказалось, что Хёнир шагу не может ступить без Мимира и его разумных советов. Ни решение принять, как то подобает вождю, ни молвить справедливое слово, когда сходятся Боги на своё собрание – тинг. На всё один ответ у него, когда нет рядом Мимира:

– Пусть другие решают.

Тогда подумали Ваны – не очень-то равный вышел обмен. Им бы вспомнить, что вождь тогда и хорош, коль умеет слушать советы – но нет. Убили они Мимира и послали его голову назад в Асгард:

– Пусть ведают, что хитрость раскрылась!

Гибель Мимира сильно опечалила Асов, ведь вместе с ним умерла и его мудрость. Но Один умастил мёртвую голову добрыми травами и произнёс заклинания, так что она ожила и стала беседовать. И говорят, Один часто советуется с нею о важных делах, когда решаются судьбы девяти миров. Может, у Ванов в почёте были такие вожди, что одни думали и решали за всех?.. Как знать!

## Мёд поэзии

Когда Асы и Ваны заключали между собой мир, решено было смешать слюну в знак побратимства между двумя племенами: собрались все вместе и каждый по очереди плюнул в большую чашу. А чтобы не пропал без толку этот знак мира, при расставании Боги сотворили из слюны человека и назвали его Квасир. И, видно, досталось ему понемногу от мудрости каждого Аса и Вана: сделался Квасир столь сведущ, что никто не мог выдумать вопроса, на который он не сумел бы тотчас ответить. Он много странствовал по свету и учил мудрости Людей и всех, кому случалось его спрашивать. Говорят, как-то раз он даже забрёл в другую Вселенную и оставил о себе добрую память, – тамошние племена даже назвали его именем добрый напиток, помогающий затеять беседу... Но об этом потом.

Недолго пришлось Квасиру путешествовать по Срединному Миру. Жили-были в пещере два Карлика – Фьялар и Галар, оба жестокие, жадные и вероломные. Надумали они присвоить все познания Квасира и ни с кем не делиться. Зазвали к себе доверчивого мудреца и не постыдились поднять руку на гостя – убили его, а кровью наполнили котёл и две чаши. Смешали кровь с диким мёдом, и вышел чудесный напиток – кто ни попробует, тотчас становится поэтом либо учёным. Фьялар и Галар спрятали мёд в недрах горы, чтобы никто не дознался и не украл. Асам же, хватившимся друга, сказали:

– Квасир захлебнулся в собственной мудрости – не нашлось никого, кто сумел бы выпросить у него всё, что он знал!

Пробовали сами Карлики волшебный мёд или не пробовали, никто теперь не узнает. Но если и пробовали, не пошёл он им на пользу. Злые делаются только хуже, когда им достаются знания. Спустя малое время Карлики пригласили к себе одного Великана вместе с женой и убили обоих. Так трижды были попорчены законы гостеприимства, но тут подоспело злодеям и наказание. Разыскал Фьялара с Галаром безжалостный мститель – сын погибшего Великана. Звали его Суттунг.

Он схватил обоих и посадил на скалу, что во время прилива погружается в море.

– Пощади нас!.. – взмолились Карлики, видя, как жутко и медленно подползает вода. – Мы дадим тебе выкуп!.. Щедрый выкуп! И за мать, и за отца!..

– Не хочу ничего слышать, – рычал с берега Суттунг. – Тоните, предатели!

Но вода знай себе поднималась, и, когда дошла до горла убийцам, с плачем посулили они самое дорогое, что имели, – бесценный мёд. Тут Суттунг смягчился и снял Карликов с камня. Увёз мёд к себе и укрыл в неприступных горах, что звались Хнитбьёрг – Сталкивающиеся скалы. Иногда говорят, эти горы были когда-то облаками, но потом опустились наземь и окаменели. Суттунг поставил котёл и две чаши с мёдом в самой глубокой пещере, а сторожить посадил свою дочь Гуннлёд, ибо понял, каким сокровищем завладел.

Так оказались под спудом мудрость и вдохновение, так превратились они в мёртвую драгоценность, из-за которой сражаются и убивают...

Высмотрел это Один с чудесного престола Хлидскьяльв. И решил вернуть Богам мёд, побывавший у Карликов и у Великанов: ведь это был тот самый напиток, что когда-то поднёс ему, воскресшему, дед Бёльторн. Сказано – сделано. Отправился Вождь Богов в путь и пришёл на луг, где девять рабов косили сено. Он сказал:

– Что-то медленно идёт у вас дело, косы, зная, затупились. Хотите, наточу?

– Хотим, – обрадовались рабы. Тогда Один вынул из-за пояса точило и наострил косы, как обещал. И так славно пошла тут работа, что косцам захотелось непременно купить у незнакомца точило. Каждый принялся просить его для себя:

– Мне!

– Нет, мне!



– Я первым сказал!..

Тогда Один кинул точило в воздух и усмехнулся:

– Ловите, жадные, кому повезёт.

Рабы кинулись ловить, и в спешке все девять полоснули друг друга косами по шее. Остались они лежать мёртвыми на зелёном лугу, а Одина с тех пор стали звать Обманщиком и Сеятелем Раздоров.

Один заночевал у Великана-Турса по имени Бауги, которому Суттунг доводился родным братом. Вечером хозяин и гость разговорились за пивом.

– Рабы у меня погибли, – посетовал Бауги. – Передрались. Видно, стоять моему лугу нескошенным: маловато в Иотунхейме добрых работников... А жалко, такой хороший лужок!

Один, конечно, не стал говорить ему, что это он своим волшебным точилом раздражил жадность рабов.

– Я прозываюсь Бёльверком – Злодеем, – сказал он Турсу. – Что ты дашь мне в награду, если я целое лето проработаю у тебя вместо тех девяти? Не заплатишь ли ты мне глотком чудесного мёда, которым, я слышал, владеет твой воинственный брат?

– Брат мой один завладел им и сам решает, кого угощать, а кого нет, и скуп он изрядно, – сказал тогда Бауги. – Но вот тебе моё слово: дойдёт дело до платы, пойдём вместе к Суттунгу, я уж его уговорю.

На том порешили, и, верно, думалось Бауги, что держать слово придётся не скоро. Бёльверк всё лето работал у Великана, и никто не сказал бы, что он делал меньше в одиночку, чем девять рабов. Насушил хозяйским коровам на всю зиму доброго сена. Но вот наступила зима, и он потребовал платы. Бауги пошёл к Суттунгу, как обещал, но тот наотрез отказался налить даже капельку мёда:

– Сам договаривался, сам и плати.

Тогда Бёльверк сказал Бауги:

– Надо попробовать, не удастся ли получить мёд какой-нибудь хитростью.

Вот когда пожалел Великан, что себе на голову взял подобного работника, но сказанного не воротишь – пришлось помогать. Вместе взобрались они к Сталкивающимся скалам... Не было туда хода, кроме Суттунга, никому – вмиг раздавят. Но хитроумный Бёльверк вынул бурав:

– Попробуй, Бауги, не одолеет ли камень железо.

Принялся Бауги сверлить и вскоре сказал:

– Готово... Не пойму только, как ты пролезешь?

Но Бёльверк молча дунул в отверстие, и полетела каменная крошка ему в лицо. Тут он понял, что задумал злой Турс его провести. Снова велел он буравить скалу, и когда подул во второй раз – полетели крошки вовнутрь. Мигом обернулся Бёльверк змеей и юркнул в дыру. Бауги ткнул вслед буравом, но не достал. Выползла змея в пещеру внутри скалы – и опять стала Одним.

Там над чашами с мёдом сидела Гуннлёд, дочь Великана. Была она, как и большинство Великанш, неуклюжа и некрасива, но мечтала, сидя в тёмной пещере, подобно всем девушкам – о любви. Принял Один обличье красивого юноши, мягкими шагами приблизился к Гуннлёд...

– Ты кто? – испуганно вскрикнула Великанша. – Не пришёл ли ты похитить наш мёд?..

Говорят, Один ничего не ответил ей, лишь улыбнулся. Но так, что Гуннлёд показалось – солнце заглянуло в угрюмое подземелье. И, верно, немного заклятий пришлось ему спеть ей на ушко, чтобы растаяло девичье сердце, чтобы забыла она о строгом наказе отца... но уж этого в точности не знает никто. Три ночи гостил у неё Один, и на прощание она сама попотчевала его мёдом, позволила испить три полных глотка.

Сделал Вождь Богов три глотка и осушил все три сосуда – котёл и две чаши. Превратился в орла и взвился в небо, а Гуннлёд одной рукой махала ему вслед, а другой утирала бегущие слёзы, и была в этот миг сущей красавицей – неуклюжая Великанша, встретившая любовь.

Но надо же было случиться, чтобы как раз в это время шёл к скалам Хнитбьёрг сам хозяин чудесного мёда. Увидел он орла – и, как ни глупы Великаны, смекнул: знать, добрался к его сокровищу Бёльверк-работник. Обернулся Суттунг огромным орлом и кинулся в погоню.

Одину тяжело было лететь с полным ртом мёда, и у самых стен Асгарда Суттунг едва его не настиг. Хорошо ещё, Асы успели поставить во дворе чашу, и Один выплюнул в неё мёд. Позже он отдал его Асам и скальдам – Людям, которые слагают стихи. Их ещё называют «вкусившими мёда». Но часть напитка он второпях всё-таки проглотил, и она вышла наземь из-под хвоста. Говорят, этот мёд достался бездарным поэтам...

А что было дальше с Гуннлёд? Кое-кто полагает, Один взял её в Асгард, сделал своей младшей женой. Но другим кажется, что это не так. Сам он вспоминал Гуннлёд с виноватой и задумчивой грустью:

– Плохо отдал я деву за нежность, за чистое сердце...

И вот что ещё прибавило Всеотцу седины и горьких складок на лбу: добывая мёд мудрости, он прибегнул к неправде. Трудно было без неё обойтись, но обман никому не прощается – ни на Небе, ни на Земле...

## Путешествие Рига

Могущественный Ас носил имя Хеймдалль. Отцом его называли Одина, а матерей у него было сразу девять, и все – сёстры. Вот как их звали: Небесный Блеск, Голубка, Кровавые Волосы, Прибой, Волна, Всплеск, Вал, Бурун, Рябь. Все они были волнами – дочерьми Океана, ибо переменчиво море: оно ведь то ласковое, тихо шепчущее на заре, то шершавое от дождя, то грозное, вздыбленное непогодой. А иногда и кровавое – когда попадает судно на скалы или боевые корабли сходятся в сражении... И кажется Людям, что проще запомнить девять сестёр, а не одну в девяти разных обличьях.

Хеймдалль родился вместе с солнцем из моря, когда весь мир залит был утренним золотом. И частица этого золота осталась с ним на всю жизнь.

Сказывают, даже зубы его отливают золотом. Впрочем, злые языки утверждают, что Хеймдалль вначале был всего лишь барашком на гребне волны, и зубы у него никакие не золотые, а жёлтые, как у барана, прожившего много зим. Но все знают, что злым языкам лишь бы болтать – о Людях ли, о Богах.

А ещё есть у Хеймдалля резвый конь Золотая Чёлка и золотой рог по имени Гьяллархорн – Громкий: во всех девяти мирах будет слышно, когда он затрубит. Хеймдалля называют иногда Белым Асом, ибо велика его священная сила. Меньше сна нужно ему, чем птице в летнюю пору. Зорче сокола, зорче орла Хеймдалль, видит всё за сотни поприщ, – ночью и днём. Может расслышать, как растёт шерсть на овце, как растёт трава, тихо и неприметно поднимающая опавшие листья, раздвигающая камни тонкими корешками...

Хеймдалль выстроил себе двор в Асгарде, в Небесных Горах Химиньбьёрг, там, где радуга упирается в Небо. Радугу построили Боги в начале времён, чтобы служила она мостом от Земли до Неба, и назвали её – Биврёст. Трёх цветов этот мост и очень прочен, и сделан – нельзя искуснее и хитрее. Если задумает пройти по нему смертный, чем-нибудь себя запятнавший или просто не заслуживший великую честь пировать у Богов, – сколько бы он ни мчался за радугой на самом быстроногом коне, она лишь отдалится. А полезет на мост обросший инеем Хримтурс или каменный Великан, живущий в горах, – тотчас вспыхнет в радуге красное пламя и прогонит глупого людоеда...

Много в Асгарде прекрасных мест и нарядных чертогов, и все они под защитой Богов. А Хеймдалль живёт у самого края Небес, потому что он страж Асов. Сказывают, он первым узнает, что приблизилась гибель Вселенной, и затрубит в рог Гьяллархорн, созывая Богов и Людей на последнюю битву. И мост Биврёст подломится, когда поедут по нему сыны Муспелля на своих огненных скакунах... Но об этом потом.

Однажды случилось Хеймдаллю путешествовать по Срединному Миру. Долго шёл он берегом моря, узкой тропой между скал, а когда день стал клониться к вечеру, увидел жильё. Чуть видна над землёй была крыша этого дома, слабенький дым еле поднимался над нею, но дверь оказалась не заперта – входи, добрый гость, обогрейся и отдохни. Ас вошёл внутрь и увидел у огня чету Людей – Прабабку и Прадеда, седых, морщинистых, в стариковских уборах. Поздоровался с ними Хеймдалль и назвал себя Ригом: на одном заморском наречии это значило Вождь. Обрадовались гостю хозяева, посадили на почётное место в доме – посередине лавки, у длинной стены против входа. Вынесла Прабабка хлеб из ячменя пополам с отрубями, с толстой коркой, с тяжёлым мякишем. Подала на стол похлёбку и лучшее лакомство, какое нашлось, – жареную телятину.

Учтивым и знатным показался Риг старикам. Вёл он разумную беседу с хозяевами, занятно рассказывал и мудро советовал: как унавоживать поле и собирать с него камни, плести корзины, выхаживать телят и ягнят. Дивились Прадед с Прабабкой мудрости Рига. А пришло время стелить одеяла на лавки, уложили гостя посередине между собой. Так посту-

пали когда-то на свадьбах с изваяниями Богов, чтобы благословили они семью, чтобы священный дух вошёл в тело женщины и воплотился добрым потомством. Откуда могли знать хозяева, что приютили у себя Аса. Три дня он гостил у них в доме, потом распрощался. И вот минул срок, и произошло чудо: Прабабка, седая, морщинистая, родила сына.

Его окропили водою и приложили к Земле, вводя в солнечный мир, и назвали – Трэль. Вырос он некрасивым – черноволосым и смуглолицым, с длинными пятками и толстыми пальцами, – но зато смешливым и сильным. Небогатый был дом у Прадеда и Прабабки, и Трэль привык ко всякой работе: ловко вил лыковые верёвки, делал веники, без усталости таскал из леса хворост. Начал появляться в доме достаток, сделалось веселей.

А когда возмужал Трэль, забрела к его очагу бездомная девушка по имени Тир, с загорелыми руками и босыми исцарапанными ступнями, такая же, как он сам, некрасивая и работающая, и такая же большая охотница посмеяться и поболтать. Понравились они с Трэлем друг другу, и посадил он её рядом с собою на хозяйское место. Жили они в довольстве, два труженика, и родились у них дети: Хёсвир – Смуглый, Фыйоснир – Скотник, дочь Амботт – Служанка и ещё много других, заслуживших такие же имена: Лентяй, Толстушка, Пастух. И говорят, от них-то пошёл весь род рабов. Потому и зовут Люди всякого раба трэлем, а рабыню – тир...

Между тем Риг шёл себе дальше зелёным шепчущим лесом, и вновь тропа вывела его к жилью. Этот дом стоял на поляне: мычали, возвращаясь домой, бурые коровы, хрюкали свиньи. Открыл Ас незапертую дверь и шагнул внутрь. Здесь было больше достатка: стоял в углу красивый ларь, полный добра, а по бревенчатым стенам висели расшитые покрывала и выделанные меховые шкуры. Дружной работой заняты были хозяева – мужчина мастерил ткацкий станок, женщина пряла, вращая веретено. Показались они Ригу моложе Прабабки и Прадеда, и то верно – звали их Бабка и Дед. Славная была чета и нарядная: вьётся у Деда на лбу кудрявая чёлка, русая борода опрятно подстрижена, на плечах искусно скроенная рубаха. У Бабки – хорошая безрукавка, шея в платке, на груди – блестящие пряжки. Приветили хозяева гостя, посадили на почётное место посередине скамьи, принялись угощать. Хлеб в том доме был из просеянной муки, мягкий и вкусный. Много деревянных блюд поставила Бабка на стол – не в нужде жили, хотя и не в роскоши...

Три дня провёл у них Риг. Рассказал, как умножить богатство, как снарядить торговый корабль, как решить любой спор по закону, сойдясь всем народом на собрание-тинг... Потом распрощался, и всё повторилось: родила Бабка сына – краснощёкого, рыжего, с живыми глазами. Был он окроплён водою из чаши и назван Карлом – Земледельцем. Возмужав, стал он приручать могучих быков и ладить сохи для пахоты, строить дома и просторные хлевы, сколачивать повозки и возделывать землю, ловить в море рыбу и ездить на торг. Дед с Бабкой нарадоваться не могли сыну, которым благословил их Риг. Подыскивали ему невесту, прозвали её ласково Снёр – Сноха. Носила она платье из козьей шерсти и меховую накидку, чтобы водился достаток, а у пояса – связку ключей, как прилично домовитой хозяйке. Сыграли свадебный пир, начали Карл и Снёр дружно жить-поживать – завели собственный двор, стали награждать слуг, возделывать землю. Говорят, дети Трэля и Тир были у них в работниках. А хозяйские сыновья прозвались Смид – Мастеровой, Дренг – Парень, Брейд – Плечистый, Хельд – Житель. Были и дочери: Виф – Женщина, Снот – Госпожа, Сванни – Гордая. Вот от кого пошёл в Мидгарде род свободных Людей, землепашцев.

А Риг шёл всё дальше наезженной, широкой дорогой. И вновь дом ждал его на пути – залитый солнцем, входной дверью на юг, чтобы шли внутрь свет и тепло. Настежь была распахнута дверь, а пол устлан соломой. Сновали вокруг проворные слуги – пасли скот, собирали камни с полей, возводили ограды. Не нужно было хозяину рубить дрова и унавоживать землю, а хозяйке – весь день готовить еду, шить, стирать, доить бодучих коров. Оттого тяжкий труд и нужда не состарили их прежде времени, и называли их славными именами – Мать

и Отец. Когда пришёл Риг, Отец точил стрелы для охоты, плёл крепкую тетиву, примеривал её к луку. А то оборачивался к хозяйке – подолгу смотрели друг другу в глаза мужчина и женщина, и крепко переплетались их пальцы. В голубой, до пят, вышитой рубахе сидела хозяйка и всё прихорашивалась – то рукав, то пояс поправит, то ожерелье на шее. Блестящие светлые брови были у Матери и кожа белее чистого снега.

Усадили они с Отцом Рига посередине лавки, завели с ним беседу, и говорят, что ни Прадеду с Прабабкой, ни Деду с Бабкой не дал он столько советов, как этим двоим. А дошёл черёд до угощения – внесли работники стол, и разостлала на нём Мать для гостя льняную узорчатую скатерть, поставила блюда с насечкой из серебра, кувшин заморского вина и драгоценные кубки. Подала жареную птицу, мясо и сало, пшеничный хлеб и тонкие румяные блины. Даже в Асгарде не устыдились бы таких яств! До позднего вечера сидел Риг с хозяевами за угощением и разговором, и так все три дня подряд. И вот каким сыном благословил Ас хозяйку: румяным, светловолосым и стройным. Окропили его водой, спеленали шелками. Дали ненаглядному имя Ярл – Вождь воинов. Начал он подрастать, и заметили Люди, что глаза у него были зоркие, умные и блестящие – но и страшен порою становился их взгляд...

Юному Ярлу пришлось по душе воинское молодечество: потрясал он отцовским щитом, луки гнул, готовил тетивы, стрелы точил, охотился с собаками на медведей и свирепых волков, метал дротики, учился владеть копьём и мечом. И плавать, конечно, – ведь воины ходят на кораблях.

И говорят, Хеймдалль вновь посетил этот дом под именем Рига. Поведал он Ярлу тайнства рун, научил обрядам, чтобы освящать наследную землю, назвал его своим сыном – ведь и Риг, и Ярл значило Вождь, только на разных языках. Стал Ярл ходить с оружием и щитом, а когда встречал другого такого же сильного и удалого – схваткой решали, кому уступить тропу. Бывало, смертью кончалась такая молодецкая сшибка, но бывало, и побратимством. Собрал себе Ярл дружину на загляденье, и называли его щедрым вождем: без скупости дарил он сокровища, дорогие кольца, поджарых коней, рубил на части серебряные кручёные ожерелья, чтобы каждому досталось. А потом заслал сватов к Херсиру – правителю части страны: полюбилась ему дочь Херсира, умница с пригожим белым лицом и тонкими пальцами. Звалась она Эрна – Умелая. Херсир хорошо принял сватов, ведь подвиги Ярла снискали ему немалые владения – целых восемнадцать дворов. Отдал он дочь замуж за Ярла. Сыграли свадьбу, и начали молодые жить в довольстве, достатке и счастье. Давали они своим детям хорошие имена: Наследник, Сын, Продолжатель. Младшим у них был Кон – Отпрыск. Все удались молодцами как на подбор, особенно младший. Умел он не только сражаться, укрощать коней и двигать на расчерченной доске резные фигурки, – лучше отца понял он силу рун, могучих волшебных заклятий. Мог облегчить женщине роды, успокоить морскую бурю, вещим словом затупить вражеские мечи. Говорят, даже язык птиц разумел. И однажды, проезжая по лесу и беседуя с птицами, услышал он голос ворона: рассказывал мудрый ворон о героических подвигах, о дальних странах и о достойных мужах, с которыми настоящему воину подобало бы сражаться и брататься. И думают Люди, что это Один, Отец Богов и Людей, послал юному Кону свой знак, призывая его к служению. Оттого называют Одина Покровителем Воинов, а лучших, могущественнейших вождей – конунгами, потомками Кона...

## Вальхалла

У Одина было в Асгарде жилище Валаскьяльв, построенное Богами на самой заре времён; крыша его блестела на солнце, выложенная серебром. Много чудес было в этом чертоге, но главное – престол Хлидскьяльв. И если восседал на нём Один или другой какой-нибудь Ас, был им виден оттуда сразу весь мир. Холодное море, скалистые острова, извилистые фиорды. И боевые корабли конунгов, спешащие по фиордам навстречу друг другу – добывать славу и девичью любовь, отмщать за друзей, заключать нерушимое побратимство...

Было ведомо Одину – однажды настанет день последней битвы Богов, день, когда хватит в избытке ратной работы всякому войску, как бы велико оно ни было. Понадобятся тогда Всеотцу все герои Мидгарда. Вот почему дал он каждому человеку вечную душу, не умирающую, даже когда тело становится прахом или пеплом. Вот чего ради стал он бросать между конунгами руны раздора, руны сражений, испытывая мужество воинов и отбирая лучших.

Один велел героям огораживать поле битвы священным орешником и щадить тех, кто израненным выползал за ограду. И кружили над местом сражения девы валькирии, избирая самых достойных. Вот как звали вещей валькирий: Мист – Туманная, Хильд – Сражение, Херфьётур – Опутывающая войско, Хлёкк – Шум битвы. Много было валькирий, и одни вели род от Богов, другие были сёстрами и дочерьми конунгов Мидгарда. Даровали они вождям победы и поражения, а павших мчали на крупах своих могучих коней в Асгард, мчали по звонкому радужному мосту, мимо Небесных Гор, к престолу Отца Богов.

Скакали валькирии по воздуху и по морю, защищали своих избранников от случайной стрелы, отгоняли от их кораблей ведьм и мерзостных Троллей, охочих до человеческой крови. Ездил с ними и Скульд, младшая Норна. И думают Люди, немалое дело доверил им Один – отбирать дружину для боя, которым решится судьба девяти миров! Иные удивляются: женщины? Что они понимают в сражениях, деле мужчин? Но хорошо знает Вождь Асов – никто лучше женщины не отличит показную храбрость от истинной, переменчивость труса от верности и благородного мужества...

Смерть от оружия была жертвой Одину, и оттого называли его Отцом Убитых, а павшие воины становились его приёмными сыновьями – эйнхериями. Иногда, лунными ночами, Люди видят войско эйнхериев во главе с Одином, мчащееся по Небу на призрачных скакунах. Тогда те, кто уже не помнит древних сказаний, пугаются грозных теней и в ужасе шепчут:

– Дикая охота!..

Для дружины Вождя Богов выстроен в Асгарде славный чертог, прозванный Палатами павших в битве – Вальхаллой. И говорят, что попавшему в Асгард нетрудно узнать Вальхаллу с первого взгляда: кровля её из боевых щитов, копы служат стропилами, дорогое оружие развешано по стенам, а на лавках всюду кольчуги. Парит над чертогом птица Одина – могучий орёл, а у западной двери раскачивается в петле волк, принесённый в жертву, – ибо Вальхалла не только пиршественные палаты, но и святилище. Шумит кругом двора река Тунд, вздувшаяся от непогоды, и стоят в чистом поле Ворота мёртвых – Вальгринд, не знающие ни замка, ни запора. Ибо не все приезжают в Вальхаллу с валькириями на конях, лишь самые достойные, не совершившие стыдных поступков. Иные из воинов идут на Небо пешком, и приходится им одолевая вброд реку Тунд и ворота Вальгринд, и таково испытание, которое им уготовано.

Говорят ещё, в Вальхалле бок о бок сидят за столами закланные враги, в земной жизни так и не сумевшие примириться. Теперь они видят, что все их прежние распри – щенячья возня по сравнению с тем великим боем, что ждёт их и Богов на закате времён. Оттого каждый день поутру эйнхерии снимают со стен оружие и щиты и бьются между собою, как встарь, и сражённые насмерть поднимаются исцелёнными, едва коснувшись Земли. А потом

все вместе моют звонкие чаши и понаряднее украшают чертог, если знают, что в Мидгарде нынче была великая битва и скоро валькирии привезут им новых друзей...

Велика дружина у Всеотца – пятьсот сорок дверей устроено в Вальхалле, и говорят, что из каждой выйдет по восемьсот воинов, когда рог Гьяллархорн позовёт их готовиться к последнему бою... Но об этом потом.

Ярко освещают Вальхаллу мечи, висющие по стенам: столь ярко блестят они, отточенные, что не нужен огонь. Ещё есть там очаг и над ним на цепи – закопчённый котёл по имени Эльдхримнир; повар Андхримнир всякий день варит в нём чудесного кабана. Так велик тот кабан, что хватается его насытиться всем эйнхериям, уставшим в бою, – а наутро он снова цел и бежит искать желудей. Но, верно, пристала к его щетине толика сажи от котла, оттого и прозвали чудесного вепря – Сэхримнир.

И неправ тот, кто думает, будто эйнхерии лакомятся мясом всухомятку или пьют обычную воду.

Низко склонились над пиршественным чертогом зелёные ветви Иггдрасиля; коза Хейдрун стоит на крыше Вальхаллы, на золочёных щитах, обрывая листву ясеня и молодые побеги. И струится из козьего переполненного вымени в большой жбан не молоко – золотистый хмельной мёд, и хватается его допьяна напоить всех гостей...

Сам Один пирует в чертоге вместе с эйнхериями. Подносят ему валькирии еду и питьё, но не нужна пища Вождю Асов – всё бросает он волкам Гери и Фреки – Алчному и Жадному, лежащим у ног. Славный мёд – вот Одину и еда и питьё. Всякое утро посылает он двух вещих воронов облететь мир: Хугин и Мунин – Мыслящий и Помнящий – вот их имена. Без устали кружат они над Землёй, и страшится за них Отец Богов и Людей: возвратятся ли? Но всегда возвращаются птицы ко времени вечернего пира. Садятся на плечи Одину и нашептывают ему обо всём, что делается на свете. Оттого-то воины, выступившие в поход, всегда радуются при виде двух воронов, с громким карканьем летящих вслед кораблю: это значит, сам Один незримо с ними в походе, и вот-вот появятся девять валькирий на взмыленных жеребцах, проскачут по вспененным гребням волн, сквозь седые клочья тумана – звать самых достойных на пир в чертоге Вальхаллы...

И кажется Людям – немалая это награда за раны и кровь, за смертные муки.

## Валькирия и викинг

Бывает, однако, и так: шлёт Всеотец валькирию привезти в Асгард героя, уже совершившего достаточно подвигов, уже доказавшего, что достоин пить мёд на пиру у Богов. Спешит валькирия в битву, готовая подправить копьё, занесенное врагом, чтобы сразило оно героя, чтобы замерло пронзённое сердце, чтобы вылетела душа... И – в последний миг останавливается рука, не может подняться на храбреца, и вторгается в сердце героя не смерть, а любовь. Покидает подруг валькирия и живёт как обычная женщина, старится, умирает...

Вот что рассказывают про бесстрашного викинга Хельги и валькирию по имени Сигрун.

Отец Сигрун, прославленный вождь, решил породниться с конунгом Хёдброддом, богатым и знатным. Между тем дочьвалькирия видеть не могла жениха:

– Злой конунг, кошачье отродье! – вот как она про него говорила. Но отец стоял на своём:

– Пойдёшь замуж за Хёдбродда. Такова моя воля.

А потом Один послал её в битву:

– Ждёт Вальхалла лучшего из героев, жду я славного Хельги.

Сигрун послушно оседлала коня и отправилась на берег моря, к Волчьему Камню, туда, где Хельги поставил свой боевой корабль. На берегу, возле леса, гремело сражение; Сигрун быстро высмотрела вождя... но вместо того, чтобы отобрать его жизнь, принялась ему помогать. Что поделаешь, дрогнуло девичье сердце при виде героя, забило больно и сладко. Видела Сигрун: вот он свалил грозного врага один на один, рассёк на нём шлем... но не стал добивать беспомощного, дал уползти. Когда же посрамлённые недруги с позором бежали, низкие тучи в небе неожиданно разорвались, и Хельги заметил прекрасную всадницу в забрызганной кровью кольчуге, в серебряном шлеме и с копьём, как будто светившимся в тонкой руке. Отчаянный викинг убрал в ножны меч и пошёл ей навстречу, и всей его храбрости еле хватило, чтобы робко спросить:

– Кто ты, дева? И почему ты так невесела? Могу ли я чем-нибудь тебе послужить?

Сигрун назвалась и ответила:

– Вечной рабыней буду я тому, кто отнимет меня у Хёдбродда, злого конунга, кошачьего отродья.

– Я сделаю это с радостью, – молвил Хельги. – Только незачем тебе становиться рабыней, лучше будь мне женой...

Долго они разговаривали. И Сигрун сложила с себя доспехи валькирии, попрощалась с подругами и с волшебным конём и не вернулась к отцу. Когда же Хёдбродд разыскал беглянку-невесту, Хельги одолел его в поединке. Они были счастливы с Сигрун, родились у них красавицы-дочери и славные сыновья.

Но дома у Сигрун остался брат Даг, весь в отца, жестокий и жадный. Он дал клятву отомстить Хельги и в конце концов выполнил клятву – сразил викинга насмерть, ударил в спину копьём. Говорят, то копьё дал ему сам Один, которому Даг принёс богатую жертву. Давно хотел Всеотец видеть Хельги у себя в Вальхалле, давно хотел, чтобы тот возглавил эйнхериев... и вот – время пришло. Тело Хельги внесли в могильный курган, а Даг поехал к сестре:

– Я убил твоего мужа. Собирайся домой.

Но Сигрун не было дела до воли Богов и до той чести, что ждала Хельги на Небесах. Она прокляла брата:

– Пусть не плывёт



отныне корабль твой,  
как бы ни дул  
ветер попутный!  
Пусть не бежит  
конь твой послушно,  
когда от врагов  
спасенья ты ищешь!  
Пусть не разит  
меч твой в битве,  
разве что сам  
сражён им будешь!

Перепуганный Даг пытался оправдываться, валил всю вину на Одина, предлагал сестре золото и половину владений... Но Сигрун не взяла назад проклятия и не поехала с ним. Часто сидела она на кургане, и Люди видели – лунными ночами тень Хельги вставала к ней из могилы. Непокорный викинг не торопился за пиршественный стол Вальхаллы, не хотел разлучаться с любимой. И вот однажды утром служанки нашли Сигрун мёртвую на кургане, и на губах у неё была такая счастливая улыбка, что Люди поняли: даже воля Всеотца склонилась перед любовью – валькирия и викинг вознеслись в Асгард вдвоём. Хельги возглавил эйнхериев, как Одину и хотелось. И вот что ещё говорят: иногда, раз в сто зим, души Хельги и Сигрун вновь сходят на Землю, вселяются в смертных Людей. Никогда не умирает любовь.

## Богиня любви

Мудрые Люди рассказывают: никогда не достигли бы Асы такого могущества, если бы не их дочери, сёстры и жёны – прекрасные и мудрые Асины. И если лучшим из Асов справедливо считают Одина, то самая великая и славная среди Богинь – конечно же, Фрейя, дарительница любви.

Ещё называют её Невестой Ванов, ибо отец её Ньёрд попал к Асам сначала заложником и лишь потом, прижившись, был введен в родство и стал зваться Асом. Добрая Фрейя всех благосклоннее к людским молитвам, особенно, когда влюблённые ждут её помощи. Очень по душе Богине, когда поют песни о верности и любви. А ездит она на двух пушистых ласковых кошках, запряжённых в лёгкую колесницу.

Те, кто видел палаты Фрейи в Асгарде, рассказывают – дивно велики они и прекрасны. Недаром зовётся этот чертог Сессрумниром – Вмещающим много сидений. Часто ездит Фрейя вместе с Одином на поля битв, и верят Люди, что достаётся ей половина убитых героев, тогда как другие отправляются к Одину в Вальхаллу. Может быть, Фрейя берёт к себе в Сессрумнир тех, кто был влюблён?..

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.